Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ДОМА (1796–1801 гг.)

К 255-летию со дня рождения Павла I

Вступление на престол императора Павла в ноябре 1796 г. положило начало серьезным преобразованиям воспитательных домов. Впрочем, общие контуры их перестройки были намечены еще Екатериной в одном из последних ее распоряжений, подписанных 28 октября 1796 г. Она предлагала разделить воспитанников на штатных и деревенских, причем последних при достижении совершеннолетия зачислять в казенные крестьяне[1].

Екатерина не успела осуществить задуманного. После ее смерти руководители домов во главе со сменившим И. И. Бецкого главным попечителем графом Х. С. Минихом поспешили продемонстрировать лояльность новому монарху, однако это не помогло. 22 декабря 1796 г. Павел I подписал указ о назначении главным попечителем Я. Е. Сиверса[2]. По екатерининскому «Генеральному плану» главного попечителя полагалось избирать. Порядок нарушил сам император.

Институт главных попечителей пережил Павла I на несколько лет. 14 мая 1800 г. Мария Федоровна сообщила Петербургскому совету, что ее супруг, «снисходя на просьбу… графа Сиверса», уволил его «с полным по чину жалованьем» и назначил на его место московского почетного опекуна Н. И. Маслова. «Чувствуя всю цену усердных, ревностных и многотрудных подвигов графа Сиверса в пользу страждущего человечества», императрица предписала, чтобы совет при всех питомцах объявил ему монаршую благодарность и попросил его подарить дому свой портрет, который полагалось «поставить навсегда» в ее собственной комнате при доме. Н. И. Маслов занимал пост главного попечителя до своей кончины в 1803 г.[3].

До начала мая 1797 г. в делах воспитательных домов царило затишье. 2 мая Павел I подписал указ «О принятии главного начальства над воспитательными домами в обеих столицах императрице Марии Федоровне». В нем сообщалось, что императрица берет на себя эти обязанности по воле мужа «из человеколюбия, сродного ей, и желая споспешествовать общему добру». Главному попечителю велено было обращаться к императрице по всем их делам. Об Опекунском совете и «употреблении капиталов на пользу сего заведения» Павел предполагал издать отдельный указ[4].

Опекунский совет столичного дома торжественно отметил появление новой августейшей покровительницы. По предложению Я. Е. Сиверса 12 мая священник совершил всенощное бдение, а на следующий день в присутствии воспитанников и служащих была отслужена литургия с благодарственным молебном о здравии императорской четы[5]. С переходом под покровительство Марии Федоровны Петербургский дом получил самостоятельность, и потому РГПУ им. А. И. Герцена, как преемник его педагогических традиций, ведет отсчет своей истории со 2(13) мая 1797 г.

С первых дней пребывания в должности «главнокомандующей над воспитательными домами» императрица, опираясь на поддержку мужа и, очевидно, разделяя его представления о необходимости ревизии всех учреждений, созданных при Екатерине II, развила бурную деятельность. Особое ее внимание привлекал Петербургский дом. Она проявила интерес к состоянию здоровья питомцев и стала активно вмешиваться в решение медицинских проблем[6].

В мае 1787 г. последовало распоряжение дважды в неделю представлять императрице ведомости о числе детей и служащих. Согласно первой из них, в ведении Петербургского дома состояло 3927 воспитанников, причем старшему из мальчиков исполнилось 15 лет. В то же время в доме находились 86 девушек в возрасте 16–20 лет[7]. По инициативе императрицы взрослых воспитанниц постарались устроить служанками в частные дома[8].

5 июля императрица утвердила правила отправки младенцев в деревню, к кормилицам-крестьянкам. Отдавать им полагалось только здоровых детей, следить, чтобы малышей кормили грудью и содержали в чистоте. Всего через месяц обстоятельства заставили Марию Федоровну отступить от правил. В августе, в сезон уборочных работ, в Петербургском доме обнаружилась нехватка кормилиц. Попытки императрицы подыскать их в собственных владениях провалились. Женщины заявили, что рассчитывали поступить в «важный частный дом» и отказались вскармливать подкидышей. Пришлось распорядиться об экстренном отправлении по деревням всех детей, включая больных и недоношенных[9].

Летом 1797 г. императрица начала и переработку программ обучения воспитанников[10].

Тогда же подсчитали сумму взносов, сделанных в пользу дома Екатериной и Павлом, в бытность его наследником престола (1763–1796), подготовили список подаяний последних лет и «краткую ведомость о расходе денежной суммы… по экономии с 1793 по 1799 г.». Были составлены

подробные списки сотрудников обоих домов и выпускников Московского дома, ведомость Московского дома «о детях приносных в дом, родившихся в оном, сколько из того числа отдано на воспитание, померло и вышло в разные места из дому» (1764–1797)[11]. Похоже, именно эти документы стали основанием для последующих указов императора, задумавшего дисциплинировать своих подданных.

9 июля 1797 г. Павел I подписал указ, потребовавший, чтобы опекунские советы заняли более жесткую позицию по отношению к должникам домов. Император приказал взыскать полностью долги содержателя театров в Москве М. Медокса, частично списанный опекунами, и продать заложенное имение поручика Новикова, не вернувшего долг в ссудную казну[12].

В Москве еще при жизни Екатерины начала действовать специальная комиссия по расследованию злоупотреблений опекунов воспитательного дома. 2 января 1797 г. Я. Е. Сиверс лишил опекунского звания бывшего обер-директора Г. Г. Гогеля, а 24 апреля и работавших с ним трех опекунов. Выяснилось, что «беспорядки» в Московском совете начались, по крайней мере, в конце 1780-х гг., во время болезни И. И. Бецкого. Сумма просроченных капиталов сохранной казны превысила 3500000 руб., вместо недостающих денег были выпущены билеты сохранной казны на миллион руб., деньги тратились на дорогие и ненужные постройки, а аптека помещалась в «сыром и дурном помещении». Это не помешало опекунам за 10 лет выписать на себя лекарств на сумму 1800 руб. При этом наблюдалась «бесчеловечная беспечность» о содержании детей. Уличенный в «нецелевом использовании средств» Г. Г. Гогель изворотливо оправдывался, был прощен Марией Федоровной и вскоре умер[13].

Преемники Г. Г. Гогеля в соответствии с июльским указом Павла занимались взысканием украденного с его «подельников» — бывших бухгалтеров дома или их наследников и оценщиков ссудной казны (ломбарда), а также разбирались в запутанных делах кредитных учреждений. В счет непогашенных долгов были проданы имения П. Ф. Сокоревой (оно принадлежало сыну покойной должницы), Гендрикова (Гендриковы приходились родней Елизавете Петровне), фаворита Екатерины С. Зорича, дома купца А. И. Лахова и капитана А. Т. Болкошина, объявлен к продаже дом профессора университета Х. А. Чеботарева, имение братьев Камыниных, графа П. С. Ягужинского, с детей поручителя — трех сыновей князя А. Волконского — взыскана часть долга купца Н. М. Перемышлева. Велась настойчивая работа по взысканию долга с графини А. Р. Чернышевой. Суд выявил фальшивые доверенности, на основании которых секунд-майор Карпов от имени жены занял 1500 руб. Дело было закрыто за смертью ответчика. Титулярный советник Марков большую часть взятых под залог имения 12000 тысяч руб. тут же проиграл в карты. Имение жены Владимирского губернатора В. А. Рунич перепродавалось несколько раз, но покупатели, в том числе и сестра должницы, денег так и не заплатили. В 1797 г. деревни, как и «ручной заклад» помещицы, были вновь выставлены на продажу. «Вещи по ломбарду», в том числе бриллианты Елагина, Рунича, Волконского, продавались плохо. На продажу была выставлена даже золотая табакерка, подаренная Екатериной секунд-майору Е. М. Вуичу[14].

31 июля 1797 г. генерал-губернатор Петербурга граф Ф. Ф. Буксгевден в соответствии с указом Павла потребовал, чтобы из Петербургского воспитательного дома, как и из других учреждений, в полицию ежедневно подавались письменные сведения о происшествиях, обо всех приезжающих и отъезжающих, а также были доставлены списки всех проживающих в доме чиновников «с чады и домочадцы». Список был представлен, но, видимо, лишь однажды. Через три с лишним года главный надзиратель дома доложил в Опекунский совет о жалобе полицейской экспедиции «на недоставление сведений». Он с явным недовольством сообщил, что в прежние времена подобной информации никто не требовал. К тому же, после получения списков в дом поступило письмо из городского управления. Камеральный депутат правления заявил, что, согласно утвержденному императором 12 ноября 1799 г. устава о цехах, вольные служители дома должны записаться в цех и заплатить цеховую повинность. От цехового налога удалось освободить лишь кормилиц, «поелику промысл их есть сам по себе случайный, а притом не к одному только собственному их содержанию, но и к сохранению жизни ближнего относится». У остальных работников вычли из жалования по 1 руб.[15], что составляло весьма существенную сумму.

5 октября 1797 г. Мария Федоровна представила супругу очередной доклад. Она предлагала распорядиться, чтобы митрополиты и губернаторы предписали священникам и нижним земским судам Петербургской и Московской губерний доставлять точные сведения об отправленных в деревни питомцах, а также присматривать за их содержанием. 9 октября Павел I подписал подобный указ в части, касавшейся губернаторов, и письмо, адресованное митрополитам. Петербургскому губернатору передали список деревень с числом проживавших там детей. В ответном рапорте одного из нижних земских судов — Шлиссельбургского — сообщалось о том, что трое детей содержатся в деревнях уезда «во всякой чистоте и довольствии», они здоровы, не считая того, что у од-

ного мальчика «от оспенной болезни глаз сделался крив». Духовная же консистория потребовала от администрации дома представлять ей именные списки детей и приказывать кормилицам, получавшим детей, отмечаться у приходского священника[16]. Контакты с местными властями и духовенством, по замыслу императрицы, должны были способствовать усилению контроля над крестьянами-воспитателями.

Все предыдущие указы послужили увертюрой к главным постановлениям, открывшим новый период в работе воспитательных домов, в первую очередь Петербургского. К началу павловского царствования он размещался на Миллионной улице почти напротив Мраморного дворца в здании, ставшем тесным и неудобным. Летом 1797 г. в связи с возвращением детей из деревень, где они находились на вскармливании, в доме выявляли «порозжие покои», освобождая комнаты от служителей, которых приходилось переводить на наемные квартиры[17]. 15 декабря 1797 г. императрица представила Павлу I доклад. «Ваше Императорское Величество дозволили вместо здания воспитательного дома, неудобного весьма для помещения воспитанников, приискать другой… — напоминала она супругу, — на надобность воспитательному дому не нахожу я выгоднее дому графа К. Г. Разумовского, на Мойке состоящего». На следующий день император повелел Опекунскому совету оформить на него купчую. Вскоре были приобретены соседние здания — «дома Бобринского и Штигельманов». К осени 1798 г. помещения были перестроены и отремонтированы, и в них «весьма покойно» разместили питомцев[18].

23 декабря Павел I утвердил новый порядок организации, воспитания, обучения и устройства судьбы детей. «Установления по воспитательным домам» для обеспечения «чистоты и свежести воздуха», а также в целях «усовершенствования первоначальных правил благонравия» предполагали «прикупить» к дворцу Разумовского «соседственный» дом (как раз о нем шла речь выше. — *Т. Ф.*), который позволил бы разделить детей по полу, как это было принято в Москве. В соответствии с проектом Екатерины II планировалось ограничить число питомцев рамками штата и «в каждой столице иметь не более 500». Остальных детей следовало отправлять в деревни. Их ожидал жребий казенных крестьян. Отменялась статья «Генерального плана», дававшая возможность освободиться от крепостной зависимости мужьям воспитанниц. Свободное состояние сохраняла только сама выпускница дома. Ее муж и дети оставались крепостными. Награждение чином XIV класса купцов и представителей других сословий, пожертвовавших на нужды дома единовременно не менее 1000 рублей, также отменялось, так как пожалованием, по мнению законодателей, следовало отмечать только службу государю, и такое право принадлежало исключительно самому государю. Воспитанников «редкой остроты ума» полагалось «отсылать в академии» для развития их способностей. «План для воспитания 500 младенцев в каждой столице» разделял детей на 5 возрастов. Здоровых малышей предполагалось «немедленно отдавать по деревням». В домах полагалось оставлять только «совершенно слабых». Их собирались обучать «познанию веры», чтению, письму, арифметике, немецкому языку, географии, рисованию, ремеслам, рукоделиям и «хирургической науке». Программы обучения и штаты надзирателей сокращались[19].

27 декабря 1797 г. Павел утвердил и новый регламент Опекунского совета[20]. Советы в Петербурге и Москве полагалось составить «из почетных членов, рождением, достоинствами, заслугами, усердием к отечеству и службе отличных и исправляющих должность по сему званию из единого человеколюбия». Таким образом, опекунство превращалось в почетную придворную службу. Заседания каждого совета полагалось проводить дважды в неделю, каждый почетный опекун получил «особую обязанность», все они должны были служить безвозмездно, но несостоятельные могли ходатайствовать о назначении жалования[21].

О выборах опекунов, проводившихся при И. И. Бецком, теперь никто не вспоминал. Первую группу почетных опекунов Мария Федоровна подобрала из своих придворных и приближенных супруга, обратившись к каждому с особым рескриптом. Перечень их имен был представлен в докладе, утвержденном Павлом 29 декабря 1797 г. В Петербургский совет были назначены 5 человек, в их числе будущий министр финансов при Александре I Д. И. Гурьев и сводный брат императора граф А. Г. Бобринский, в Московский — 7 вельмож, включая князей Я. И. Лобанова-Ростовского и Н. М. Голицына[22]. Бывшие питерские опекуны были уволены, причем некоторые из них были обвинены в растратах и изгнаны со скандалом[23].

Состав почетных опекунов по разным причинам постоянно менялся, и при Павле сложился ритуал назначения новых почетных опекунов после кончины, увольнения или на время отлучки прежних. Готовился доклад «Его императорскому величеству от Ее Императорского Величества яко главноначальствующей над воспитательными домами в обеих столицах». Текст доклада мог быть лапидарным («В почетные опекуны при здешнем опекунском совете осмеливаюсь представить действительного статского советника Теплова. Мария. Мая 10 дня 1800») или более развернутым, с объяснением причин («Как по случаю кончины почетного опекуна барона Кампенгаузена за остав-

лением от службы сенатора Вяземского и за отлучкою других по должности останавливается течение дел по опекунским воспитательного домов советам, то осмеливаюсь представить о назначении…»). Император неизменно утверждал доклад резолюцией: «Быть по воле вашей»[24]. Порядок назначения, заведенный при Павле, с небольшими изменениями в протокольных выражениях сохранился конца жизни императрицы, то есть до 1828 г.

Отмена части «Генерального плана» И. И. Бецкого вызвала необходимость подтверждения некоторых его положений, сохранивших силу. 22 февраля 1798 г. Павел I подписал указ «об отсылке в казну воспитательного дома десятой части из суммы, собираемой за вход в городовые театры»[25]. Указ относился к Петербургу, так как в северной столице на реализацию этой привилегии воспитательного дома его руководители почти не обращали внимания.

После принятия новых «установлений» главный надзиратель Петербургского дома 5 марта 1798 г. обратился к Марии Федоровне с просьбой пояснить «некоторые случаи, о которых закон не упомянул доныне ничего решительно». Он спрашивал, нужно ли отдавать питомцев родителям по их просьбам («всегда доложив о том прежде мне и донеся о состоянии отца или матери»), следует ли принимать в дом воспитанников, отданных по контракту ремесленникам и возвращаемых раньше срока (императрица потребовала рассмотреть каждый случай в отдельности), и выдавать «пашпорт» 18-летнему питомцу, обучившемуся ремеслу («касательно воспитанниц ответ дан, а о воспитанниках представьте мне список») и, наконец, «надобно ли» принимать в дом взрослого воспитанника, который явится «под тем предлогом, что не может достать хлеба» («нет, пользовавшиеся 18 лет благотворением дома должны уметь снискать хлеб трудом или знанием своим»). Вскоре встал вопрос о том, распространяется ли награждение, положенное выпускникам, на тех молодых людей, которые занимались при домах «письменными делами» и дослужились до классных чинов. Императрица утверждала, что они заслуживают награждения «преимущественно пред всеми»[26].

В царствование своего мужа Мария Федоровна уделяла особое внимание вопросам профессионального образования и устройства судьбы воспитанников. Благодаря энергии императрицы Петербургский дом обзавелся крупным промышленным предприятием — Александровской мануфактурой. По ее указанию петербургские почетные опекуны разработали обновленные правила приема в дом мастеров-ремесленников для обучения питомцев и наняли 14 человек[27].

Все эти хлопоты отразились в докладе, утвержденном Павлом 31 декабря 1798 г. По предложению жены император увеличил возраст юношей-выпускников с 18 до 21 года. Мария Федоровна сообщила, что, по утверждению мастеров, молодые люди до 18 лет не успевают овладеть ремеслом в такой степени, чтобы самим стать мастерами и обеспечить себе «безнужное пропитание». Девушек выпускали по-прежнему в 18 лет. За 4 года до выпуска хорошо успевающим юношам назначалось жалованье в размере 5 руб. в год, которое вносилось в сохранную казну «на приращение». При выпуске заработанные деньги присоединялись к обычному вознаграждению воспитанников, и они могли получить до 50 руб., «чего никогда не было». Наконец, выручка от продажи товаров, сделанных руками воспитанников, должна была составить особый капитал. Императрица собиралась выяснить, могут ли подрастающие дети возместить издержки на их воспитание[28].

Необходимость преобразований воспитательных домов видела еще Екатерина II. Марии Федоровне они достались не в лучшем состоянии. В последние годы царствования Екатерины старческие немощи И. И. Бецкого, отстранение его от должности, назначение «исполняющего должность преемника главного попечителя», а также уменьшение интереса императрицы к воспитательным домам, несомненно, способствовали «послаблениям присмотра» и «втекающим в состав его злоупотреблениям», как говорилось в «установлениях» Павла I. Реформы, проведенные его именем, способствовали наведению порядка в воспитательных домах и, в то же время, свидетельствовали об отказе от многих положений плана И. И. Бецкого. В указах, подписанных императором, слышатся отголоски полемики с Екатериной и И. И. Бецким. Однако главные их принципы — бессословный подход к брошенным детям, широкое их образование и стремление к развитию способностей — сохранялись. Уже при Павле обнаружилось, что решить те проблемы, за которые критиковали И. И. Бецкого, не так-то просто. В дальнейшем Мария Федоровна не раз будет менять и уточнять отдельные пункты своей программы, но полностью откажется от идей И. И. Бецкого, Екатерины II и Марии Федоровны сын последней и Павла Николай I только после смерти матери в 1828 г. Кроме того, Павел ликвидировал выборное начало в управлении воспитательными домами, усилил его централизацию, учредил контроль над их чиновниками и низшими служителями. Воспитательные дома стали превращаться из организаций, патронируемых обществом (как было задумано И. И. Бецким), в официальные учреждения, пользовавшиеся покровительством монархов и жившие от их щедрот.

Примечания

1. *Майков П. М.* И. И. Бецкой: Опыт его биографии. СПб., 1904. Приложения. С. 37.
2. РГИА. Ф. 758. Оп. 7. Д. 24. Л. 1–6; Д. 26. Л. 1.
3. Там же. Ф. 759. Оп. 18. Д. 253. Л. 1–7.
4. ПСЗ. Т. 24. № 17952.
5. РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 429. Л. 3.
6. Там же. Оп. 20. Д. 139. Л. 1–5об.
7. Там же. Д. 147. Л. 1–5.
8. Там же. Д. 152. Л. 1–8.
9. Там же. Д. 149. Л. 1Б–18об.
10. Там же. Д. 137. Л. 1–14об.
11. Там же. Оп. 26. Д. 370; Д. 408; Д. 425; Д. 477; Оп. 12. Д. 18.
12. РГИА. Ф. 758. Оп. 20; Д. 137. Л. 1–14об.
13. Русская старина. 1875. Т. 13. С. 182–187.
14. РГИА. Ф. 758. Оп. 26; Д. 495. Л. 15–334.
15. Там же. Д. 155. л. 1–31.
16. Там же. Д. 137. Л. 1–14об., 16; Д. 148. Л. 1–23; ПСЗ. Т. 24. № 18197.
17. Там же. Ф. 758. Оп. 20. Д. 144. Л. 1–3.
18. Там же. Д. 142. Л. 1–19; Д. 145. Л. 10–32об.
19. Там же. Д. 154. Л. 1–5об.; Оп. 9. Д. 429. Л. 5об.–7об.; Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. СПб., 1880. С. 207–215.
20. Там же. Ф. 759. Оп. 8. Д. 1. Л. 41–43об.
21. Там же. Ф. 758. Оп. 6. Д. 924.
22. Там же. Оп. 7. Д. 79. Л. 1–2.
23. Там же. Д. 25.
24. Там же. Д. 37. Л. 1; Д. 38. Л. 1; Д. 76. Л. 2.
25. ПСЗ. Т. 25. № 18394; РГИА. Ф. 759. Оп. 33. Д. 830. Л. 1.
26. РГИА. Ф. 758. Оп. 9. Д. 434. Л. 5–6, 23.
27. Там же. Оп. 20. д. 173. Л. 1–72.
28. ПСЗ. Т. 25. № 18804.